

УДК 81'373.21(4/9)

Б. М. Голубь

**О НАЛИЧИИ ВНУТРЕННЕЙ ЛОГИКИ И ТЕСНОЙ ВЗАИМОСВЯЗИ
В МЕСТНЫХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ТЕРМИНАХ И НАЗВАНИЯХ
НА ЮГЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА**

В статье рассматриваются вопросы формирования топонимической сети юга Российского Дальнего Востока. Автором делается попытка осмысления региональной специфики этой сети путем установления внутренней логики взаимосвязи между существующими географическими названиями.

Ключевые слова: местные географические термины, местные географические названия, Дальний Восток, взаимосвязь и внутренняя логика.

Boris M. Golub

THE INTERNAL LOGIC AND CLOSE RELATIONSHIP

OF THE LOCAL GEOGRAPHICAL TERMS AND NAMES IN THE SOUTH OF THE FAR EAST

(Sholom-Aleichem Priamursky State University, Birobidzhan)

This article deals with the formation of geographical names in the south of the Russian Far East. Establishing the logical connection between the local geographical names the author makes an attempt to describe regional characteristics of this group of words.

Key words: local geographical terms, local place names, the Far East, the relationship and internal logic.

*Есть два разряда путешествий.
Один – пускаться с места вдаль,
Другой – сидеть себе на месте,
Листать обратно календарь.*

А. Твардовский

Возвращаясь вновь и вновь к научным трудам Э. М. Мурзаева, посвященным вопросам формирования топонимической сети на территории нашей страны, мы обращаем внимание на четкие и вполне определенные указания автора на наличие особой внутренней логики и взаимосвязи между местными географическими терминами и местными названиями для каждой местности [1; 2]. С целью подтверждения именно этого авторского утверждения мы и предприняли попытку анализа имеющейся в нашем распоряжении региональной топонимической информации на предмет наличия именно такой взаимосвязи. Для нас, жителей Дальневосточного края и, в частности, его Среднеамурской поло-

Голубь Борис Михайлович — кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры географии (Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема, г. Биробиджан), e-mail: boris.golub.51@mail.ru

© Голубь Б. М., 2012

сы, особый интерес вызывают прежде всего родовые (т. е. обозначающие наименования больших ландшафтных подразделений или зон) термины, например «тайга». Какой смысл мы вкладываем именно в этот термин?! Оказывается, что при явном тюрско-монгольском его языковом происхождении на различных территориях нашей страны информационное осмысление этого термина довольно различается. Так в частности на Алтае или в Туве под тайгой, как правило, понимается «безлесная гора» или «голец». А может быть это и просто «горный лес»; в Монголии — «горные дебри»; а в северной части Китая термин «тайга» созвучен понятию «линь или лань», что в принципе также обозначает «горный лес». Уже в Забайкалье и у нас в Среднем Приамурье под тайгой в народе принято понимать, прежде всего, светлохвойные лиственничные леса, распространенные опять же в горных районах этих регионов. Только из приведенных выше примеров видна довольно очевидная и интересная семантическая связь понятий «лес (тайга) — гора». Какие географические выводы и обобщения из этого ряда для нас следуют?!

Во-первых, синонимическая рядоположенность «лес — гора» могла возникнуть исторически только в условиях аридного (засушливого) климата, когда леса произрастали на более влажных (наветренных) возвышенных местах (склонах гор), а межгорные долины занимала, прежде всего, степная или же довольно сильно остепненная растительность.

Во-вторых, видовое понятие «тайга» довольно вариабельно: от северо-европейской темнохвойной тайги до восточносибирских светлолиственничников, а от них до наших дальневосточных пихтово-еловых и кедрово-широколиственных горных лесов.

И, в-третьих, — данный географический термин породил достаточно много конкретных местных географических названий и в том числе такие наиболее распространенные на Дальнем Востоке топонимы (ойконимы) как: поселок «Таежный», станция «Тайга», село «Таежное» и т. д.

Другим не менее крупным родовым термином, имеющим столь же широкое представительство на территории всего нашего Дальнего Востока как и «Тайга», по должному праву следует признать термин «Бира» — как водный поток значительных размеров, текущий в русле и питающийся в основном атмосферными осадками. Данный термин присутствует во всех тунгусо-маньчжурских языках в несколько отличающихся значениях: негидальское бия или бира — «речка», «ключ», «ручей»; ороческое биака — «ручей», «ключ»; удегейское бияса — «река», «речка»; нанайское бира — «ручей», «небольшая речка»; маньчжурское бира — «река»; бирага, бирха — «речка», «ручей», «канавка».

В гидротопонимии Дальнего Востока часты названия водных объектов, включающие в себя понятие «биракан», где — кан — уменьшительный суффикс, а также производные от биракана — «биракчан», «бэракчан» и т. д. На картах нашего Дальнего Востока мы можем встретить и такие названия как: «Бирандя», «Бирая», «Бирея», «Биранджа» или «Бирьякан». Составляя определенные топонимические ряды как производное от

этого термина и сопоставляя их внутреннюю этимологию, мы приходим к вполне определенным выводам и обобщениям. Так, в частности названия: «Бира» – «Бирая» – «Буряя» – «Буреинских» (хребет) в смысловом плане обозначают одно и то же – «вода», «река». Следовательно, местные жители давно еще (до прихода русских людей на эти земли) знали и понимали, что Буреинских хребет это не просто горы, а еще и водораздел многих крупных рек этой части нашей страны [3].

Продолжая исследовать ареал распространения именно этого термина на карте нашей родины, мы не устаем поражаться глубине оставленного им следа: «Бираңдя» в Амурской области; залив «Бирая» на озере Байкал; реки «Большая Бира» и «Малая Бира» – левые притоки Амура, «Сагды-Бира» и «Он-Бира» там же, а так же железнодорожные поселки и станции «Бира», «Биракан», город «Биробиджан» в Еврейской автономной области.

Видимо, мы вправе предполагать, что термин «Бира» в свою очередь является производным продуктом еще более древнего образования. На картах Сибири мы видим многочисленные гидронимы, имеющие в своих названиях исходные формы по типу: «Ба», «Би», «Бу», «Бы». Их смысловое значение во многом еще остается для нас дискуссионным. Но, исходя из позиции здравого смысла и логики всего нашего рассуждения река «Бия» – один из притоков Оби, река «Бий-Хем» – приток Енисея и другие им подобные названия, также должны в своем исходном значении на языках местных народов обозначать то же что-то вроде воды или реки [4].

Закljučая данное микроисследование, мы еще раз приходим к убеждению, что между местными географическими терминами и конкретными названиями действительно имеются тесные внутренние взаимосвязи. А это для нас это означает только одно – прежде чем начинать работу по раскрытию этимологии последних нам вначале необходимо прояснить суть того, что понимается под тем или иным термином именно самим народом, изначально населявшим или ныне населяющим эти самые места.

Попытка систематизировать каким-либо образом диалектную лексику коренных народов Приамурья (естественно в пределах нынешней территории ЕАО) в плане вычленения основных типов топонимии применительно к имеющимся типам ландшафтов привела нас к ряду интересных выводов:

– традиционный образ пространства слагается у аборигенов Приамурья тремя основными компонентами: ВЕЩЕСТВО – ПОВЕРХНОСТЬ – ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА, что в принципе соответствует знаменитой гиббсоновской триаде, описанной А. А. Соколовой в своей работе «Лексико-географический метод изучения ландшафта» (С-Петербург, 1997 год).

Понятно, что первожители Приамурья, как впрочем, и все наши далекие предки, весьма утилитарно и прагматически подходили к оценке своей среды обитания. Что их, прежде всего и практически интересовало?!

– в веществе – субстрат почвы, степень проходимости того или иного участка местности;

– в поверхности – степень трудности в преодолении преграды, насколько удобно данное место для их переживания;

– в окружающей среде – важное значение имели и качественные оценки температуры воздуха, воды, скорости течения реки, соседство с лесом, озером, лугом или болотом, наличие места для пастбища животным, присутствие охотничьих угодий и рыболовных мест и т.д.

Наглядную оценку своей среды обитания народы Приамурья представляли себе в виде своеобразной шкалы ценностей типа: «большой – малый», «холодный – горячий», «далекий – близкий», «хороший – плохой» и т. д. Вполне достаточно обратить наше внимание на карту ЕАО. Нам «бросаются в глаза» конкретные названия географических объектов, отражающие именно такую шкалу ценностей.

В реку Бира (большая вода) впадают Малая и Большая Каменушки – пример не только количественной, но и качественной оценки природных компонентов человеком. Точно также, как и река Ин принимает в себя воду из Большого и Малого Сореннаков, а река Биджан (малая вода) – из Большого и Малого Тайменей.

Вряд ли нужно подробно объяснять, какая скрытая информация об окружающей среде заключена и в русскоязычных названиях:

– гидронимов – оз. Лебединое, оз. Утиное, р. Енотовка – Октябрьский район;

– или в оронимах – г. Царь, г. Генерал – Помпеевский хребет там же;

– в ойконимах – пос. Теплые Ключи и Теплоозерск в Облученском районе ЕАО.

Тогда как работа с палеоазиатскими или тунгусо-маньчжурскими топонимами требует особого и осторожного обращения в плане их этимологии (6).

Наиболее интересным и показательным примером такой работы с этой группой топонимов является топоним «Амур». По-маньчжурски – «Сахалинула» – черная вода, по-эвекийски – «Шилкар» – узкая долина, по-монгольски – «Хара-Мурэн» – черная река, по-китайски – «Хэй-Шуй» или «Хэйхэ» или «Хэйлунцзян» – река черного дракона, по-нивхски – «Дамур» – большая река.

Но вместе с тем слово «Амур» по своей лингвистической структуре легко и просто укладывается в систему кетского языка.

В исследованиях С. А. Гурулева (г. Иркутск) явно указывается на тот факт, что кеты – жители приенисейя и родственники нивхов (жителей низовья Амура и Сахалина), юкагиров, ительменов и чукчей (жители Северо-востока Дальнего Востока) употребляют и донныне термины «Ам» и «Ур» в прямом их понятии – «мать» и «вода» или «река». Таким образом, буквальный перевод слова «Амур» с кетского языка звучит как «мать-река». А это, по нашему мнению, более точно отражает этимологический смысл данного топонима, т.к. более точно отражает значение этой реки, ее роль в жизни народов Дальнего Востока, нежели просто большой реки, черной, грозной, опасной для жизни человека, географи-

ческой или просто природной преграды, как это воспринимается в монгольском, китайском или в нивхском вариантах. А во-вторых, если топоним «Амур» признать кетским по происхождению, а еще точнее югским, (юги — это сымские кеты по тому же С. А. Гурулеву), а те и другие являются, по сути своей, палеоазиатами, то тогда следует признать, что палеоазиатских топонимов кетско-юргского варианта на территории нашей области представлено достаточно много. Это не только река Амур, но и Кульдур (река и поселок). Пос. Аур, хребет Даур с соответствующей своей вершиной, г. Даур и т.д.

Как нетрудно уже убедиться, большинство топонимов области, то есть ее географических названий, напрямую связаны с культурой именно аборигенов Приамурья, которых встретили здесь русские: казаки и крестьяне, начавшие заселять нынешнюю территорию ЕАО с 1856 года. Первопоселенцы заимствовали у них большинство географических названий, нанося их на свои карты. Так появились непривычные для русской речи названия: Бира, Урми, Дитур, Быдыра, Кульдур, Тьрма и другие. При этом нередко казаки и крестьяне-переселенцы «приспосабливали» многие топонимы из-за их сложного произношения к русской лексике и фонетике. Тогда и появились слова и словосочетания, лишь отдаленно напоминающие свое истинное звучание.

Один из примеров того — сопка Июнь-Корань у поселка Волочаевка Смидовичского района ЕАО. В переводе с тунгусо-маньчжурских языков это можно прочесть так: «место, где можно заготовить бересту для изготовления резонаторов к музыкальному инструменту — тынрын». Русским проще было произнести «Июнь-Корань», чем «Юнтвудь-корхюдь». То же и с топонимом «Лумку — Корань» — урочище и маленькая станция неподалеку от Волочаевки. «Лумку» — это тоже несколько видоизмененное слово, которым именовался соболь редкой породы с лохматой шкуркой: «место, где водятся соболя» — вот буквальное значение этого места.

Зато в таком топониме, как «Олоно» (небольшой приток Хингана недалеко от пос. Хинганск и название горной системы в тех местах), русские ничего менять не стали. «Олон нох» означает: «свиное сало», а дикая свинья зовется «Олон». Вероятно, в тех местах было много диких свиней, что и легло в основу данного топонима.

На Амуре между селами Воскресеновка и Головино есть небольшой остров с названием Кит. Может быть, по своей форме он напоминает Кита? Отнюдь. Оказывается, словом «кит» и «киты» амурские нивхи называли снасть для ловли осетров и калуг. А у острова Кит до сих пор находится одно из крупнейших нерестилищ этой рыбы.

Пытаясь «нарисовать» топонимический портрет данной территории глазами ее первожителей, мы явно выходим на своеобразное дисперсно-ячеистое выстраивание пространства. Анализ освоенности человеком своего топонимического пространства, в пределах даже отдельных ареалов, довольно явно свидетельствует о наличии вполне определенной закономерности, суть которой можно сформулировать следующим

образом – плотность топонимической освоенности территории весьма изменчива и может резко возрасти в двух случаях:

а) в центральной части ареала (или ячеи), как в месте наиболее обжитом, а значит – наиболее отвечающим запросам и потребностям людей той или иной культуры;

б) и на окраинных, периферийных границах ареала (ячей), коими, как правило, являются речные долины, горные хребты, другие орографические составляющие ландшафтов [6].

При этом происходит как бы «увязывание» отдельных частей территории в единый топонимический пласт культуры данного народа (народов) когда-либо проживавших на данной местности. В нашем случае земли, охватывающие топонимию каждой в отдельности языковой культуры (Палеоазиатской или Тунгусо-Маньчжурской) предстают перед нами в виде как бы отделенных друг от друга лакунами, вытянутыми в широком направлении с запада на восток и тяготеющими к северной части нашей территории [5].

И еще одна интересная деталь. Исходя из общечеловеческих качеств – любви к своей исторической родине, к своим родным местам, памяти о тяжелых и радостных событиях в своей жизни, связанных с определенными местами, восхищением перед увиденным природным явлением. Человек отдает своеобразную дань уважения Родине в виде создания имен-топонимов. Так, в частности, в Сибири люди дают своим детям имена по названию могучих рек этого края – Ангара, Лена, Витим, Алдан. На Дальнем Востоке отмечались факты названия детей именем Амур.

Принципиальная возможность образования личного имени от географического названия описывается А. В. Сусловым и А. В. Суперанской в своей совместной работе «О русских именах» (Ленинград, 1991 г). Среди современных имен (видимо образованных от названий конкретных географических мест), они обнаружили Тикси и Волгу, Каму и Неву так же и Саяну, Эльбруса, Риму, Пальмиру и Флоренцию и т. д.

Следовательно, нам нельзя исключать тот факт, что такая же традиция вполне была возможной и у аборигенных народов Дальнего Востока.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Мурзаев Э.М.* География в названиях. М., Наука, 1982. 176 с.
2. *Мурзаев Э.М.* Очерки топонимики. М., Мысль, 1974. 384 с.
3. *Никонов В.А.* Краткий топонимический словарь. М., «Мысль», 1996. 512 с.
4. *Сутурин Е.В.* Топонимический словарь Амурской области. Благовещенск, 2000. 126 с.
5. Еврейская автономная область: энциклопедический словарь. Хабаровск: РИОТИП, 1999. 366 с.
6. *Голубь Б.М.* Точка на карте. Биробиджан, БГПИ, 2005. 78 с.

* * *